

ВИКТОР УЛИН

Я ДУМАЮ

cogito
ergo
sum

16+

Виктор Улин

Я думаю

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Улин В.

Я думаю / В. Улин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В книге, содержание которой время от времени обновляется и дополняется, собраны мысли автора о различных явлениях природы, общества и человеческого сознания, изложены собственные взгляды на историю. Некоторые фрагменты оригинальны и радикальны, практически все произведения невеселы. Ведь многие знания несут много печалей, умножающий мудрость умножает скорбь. © Виктор Улин 2019 г. – дизайн обложки.

Содержание

Я думаю	5
Горечь Победы	6
Двадцать второе июня	11
О вымирании человека как биологического вида	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Я думаю

На рассвете жизни главенствует вопрос «КАК».

Как прожить ее, чтобы потом не утонуть в пучине досады от мыслей об упущенных возможностях.

Ответы порой бывают конструктивными и почти всегда несут пользу спрашивающему.

На закате все чаще звучит «ПОЧЕМУ».

Вопросы не затрагивают индивидуально важного, поскольку в прошедшей жизни уже ничего не изменить.

Но темы всегда серьезны.

А ответы всегда печальны и не освещают душу радостью.

Ибо печально сознание несовершенства мира, к которому рано или поздно приходит каждый мыслящий человек.

Но я все-таки задаю вопросы и пишу ответы.

Cogito ergo sum.

Горечь Победы

«Время изменяет человека как в физическом, так и в духовном отношении. <...> Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют.»

(Александр Пушкин. «Александр Радищев»)

Я пишу эти строки без намерения кого-то оскорбить.

И не представляю истину в последней инстанции. Универсальной истины нет, у каждого она своя.

Просто излагаю мысли.

Подчеркну, что я писатель, а не историк, и в изложении опираюсь больше на эмоции, нежели на факты.

(Хотя и последние, при всем их упрямстве, можно рассматривать под разными углами зрения.)

Слова эпитафия служат мне маяком.

Человек, живущий неизменными идеалами, страшен.

Даже Христос, непримиримый фанатик веры, перед смертью усомнился в правильности пути.

А Петр трижды отрекся от учителя, что не помешало ему занять высшую позицию в загробной номенклатуре.

В детстве, отрочестве, юности и молодости я был приверженцем военного патриотизма.

По 5, 10, 15 раз пересматривал фильмы, перечитывал книги военной тематики. Причем не романы Юрия Бондарева, где под позолотой орденов скрывается психология души, а убогие тупые эпопеи, полные барабанного пафоса и презрения к отдельно взятой человеческой жизни.

В поздние времена мои портретные очерки о ветеранах ВОВ попадали на редакционную «красную доску» газеты «Вечерняя Уфа».

Внештатного корреспондента никто не мог принуждать. Гонорары в не стоили того, чтобы ради них себя продавать. Я писал о войне по глубокому убеждению, от души, и верил в писуемое от первой буквы до последней точки.

Тому имеются причины.

Советские люди жили под прессом идеологии.

Главными химерами являлись приоритет будущего перед настоящим и замена жизни памятью непережитого.

Я не отрицаю значение памяти для самосознания, однако всему есть предел.

В сознание живых внедрялось чувство первородной вины за то, что они живы, а павшие – нет.

Военная тема оставалась единственной, достойной возвеличивания. Лучшие художники всех искусств отдавали силы прошлому без взгляда на настоящее.

Недавно я скачал блок «Песни года» 70-х – попивая кофе, смотрел на кухонном телевизоре и думал о невеселом.

Когда концерты шли в прямом эфире, аура хеппенингов казалась естественной. Но сейчас от «эха прошедшей войны» сделалось страшно. Спорить не стану; многие из тех песен были замечательными, их можно слушать до сих пор. Но возвеличивание памяти потерь априорно деструктивно. Произведения конструктивного направления – слабенькие песни о любви или просто о жизни – казались третьеклассницами, забредшими на поминки.

Что же касается материального... То здесь все было еще хуже.

СССР тратил миллионы рублей на мемориалы масштаба египетских гробниц.

Тогда и это казалось нормальным, сейчас вызывает недоумение: гранитом мостились поля бывших боев, а масса советских людей ютилась в убогих «хрущевках», если не в коммуналках.

Разумеется, все было оправдано политикой государства, зомбировавшего граждан мантрой «*лишь бы не было войны*» при том, что верховный шаман коллекционировал лимузины и держал икорную флотилию на Волге, за которой «*не было земли*».

Страна работала на войну со всем миром; телевизоры собирались из микросхем, забракованных военной приемкой.

Основой основ являлась ложь высшего уровня.

Информация о Великой Отечественной войне подавалась ограниченно и искаженно.

Ложь начиналась с приквела. Школьниками мы учили, что в 1939 году произошло «*освобождение братских народов Западной Украины и Белоруссии*», хотя на самом деле СССР, подыграв Германии, встречным ударом завершил уничтожение Польши.

Родившись в семье крупного партийно-хозяйственного деятеля, я был в утробе заражен инфекцией коммунистического сознания.

Являлся не просто членом ВЛКСМ, а активным комсомольским работником (хотя занимался не идеологией, а учебным процессом).

Стремился вступить в КПСС: будучи нормальным человеком, мечтал сделать карьеру, планка которой для беспартийного поднималась лишь чуть выше плинтуса.

Сегодня не стыжусь говорить о том прямо, поскольку верю в правоту Пушкина. Мыслящий человек эволюционирует, неизменен лишь полный дурак.

Я по-иному стал смотреть на систему, которая привела к тому, что держава, в XX веке экспортировавшая хлеб, в XXI покупает картошку у египтян.

И жалею лишь о том, что сделал то на шестом десятке, а не на третьем, когда еще мог уехать отсюда в нормальную страну и начать жизнь заново.

Победу нельзя умалить ни в национальном, ни в общечеловеческом аспекте.

Однако нынешнее ЗНАНИЕ не позволяет ликовать.

Священная война была справедливой.

Но СССР вел ее методами, изуверскими по отношению к собственному народу.

Война показала порочность «*социалистического*» строя, не имеющего отношения к настоящему социализму.

Советский союз 20 (Двадцать!) лет создавал свою армию.

Народ кормил ее, поил и одевал.

Не было чести большей, нежели работать ради «*малой крови, могучего удара*».

Зарплаты у летчиков были выше, чем у академиков.

Все сырьевые ресурсы и промышленные мощности отдавались военному комплексу.

Вместо стиральных машин выпускались боевые самолеты, вместо легковых автомобилей – танки.

Девочек в школе учили не варить суп, а бросать гранату.

Но когда грянул гром, «*непобедимая и легендарная*» отступала до самой Москвы. Да и там остановилась лишь потому, что у немцев начались перебои с транспортом.

Налогоплательщики, 20 лет содержавшие дармоедов со звездами на петлицах, в тяжелый момент были вынуждены нести их ношу на себе.

Крах военной и экономической политики СССР выдавался за «*подвиг всего народа*» – и кто-то верит этой лжи даже сегодня.

«Героизм» солдат, бежавших в атаку с одной винтовкой на двоих – вынужденная отвága смертников, поставленных перед стенкой. По результатам подготовки к войне всех руководителей партии и государства в 1941 году следовало расстрелять прямо у Кремлевской стены.

Комсомольцы и пионеры-герои, швырнувшие жизни в топку подпольной борьбы, восхищали. На самом деле они делали работу, которую были обязаны выполнять профессиональные диверсанты: народ кормил наркомат Берии не только для того, чтобы мордатые заградотрядовцы целились из пулеметов в спины наступающим бойцам.

(При мысли о заградотрядах НКВД и штрафных ротах у меня не хватает слов для проклятий.)

Партизаны до сих пор считаются гордостью идеологии.

Но нет ничего более позорного для государства, нежели партизанское движение как альтернатива небоеспособной армии. Ведь в такой «войне» заложниками служат мирные жители: дети, женщины, старики, оставшиеся на брошенной территории.

У меня есть друзья-белорусы; от мыслей об их Родине подступают слезы.

Советской системой Белоруссия была отдана на растерзание.

Поддерживаемые Москвой, комиссары что-то взрывали, а за каждого убитого офицера фашисты сжигали по целой деревне.

Сжигавшие были нелюдьми. Но деятели, которые это знали и продолжала подставляли своих граждан в тылу врага, не могут называться иначе, чем преступниками.

Вина России перед белорусским народом, на треть уничтоженным вследствие партизанщины, неискупима.

Фанатики, для которых «сладостно и почетно» заслонять собой флаги, найдутся всегда. Но даже нормальные люди защищали СИМВОЛЫ вместо того, чтобы беречь ЖИЗНИ.

Один из Булгаковских героев говорил:

– Петлюре через 3 часа достанутся сотни живых жизней. <...> О портретах, пушках и винтовках прошу Вас со мной более не говорить.

Белогвардейский офицер высказал истину, в 1000 раз более гуманную, нежели пропагандистский бред коммунистов, призывавших людей умирать за лозунги на кумаче.

Сталинградская битва останется самым грандиозным побоищем всех времен. Но там погиб МИЛЛИОН советских воинов – население Уфы, Омска, Самары или Нижнего Новгорода.

И хочется задать вопрос: а стоили таких потерь развалины тракторного завода и железнодорожный узел лишь потому, что над ними реяло имя вождя?

Я никогда не уважал Францию, страну трех «Л»: поваров, портных и проституток.

Но сегодня думаю, что, возможно, не так уж и неправы были лягушатники, отказавшись воевать с немцами. Они покрыли позором знамена, но сохранили культурные ценности, и – главное! – генофонд нации. Наша страна свой фонд уничтожила, поскольку в любой войне первыми погибают лучшие.

От русской нации не осталось ничего: взгляните на окружающие рожи и сравните с лицами довоенных писателей, художников, музыкантов и даже врачей!

Во всяком случае, когда я вижу циклопизмы Мамаева кургана (для поддержания которых существовал НИИ, расположенный в бюсте фигуры), то думаю о количестве российских женщин, лишенных возможности стать матерями из-за нехватки отцов в стране, обезмужиченной бездарной войной.

Но даже при тактике РККА, выраженной тремя словами:

«ЗАВАЛИТЬ ВРАГА ТРУПАМИ»

– можно было минимизировать количество последних.

Хотя бы ограничить сверху, остановившись летом 1944 года на государственной границе СССР (как остановились в 45-м на демаркационной линии).

И пусть бы народы Европы сами разбирались с Гитлером, которого до 1938 года поощряли!

Вторая мировая война шла к концу и без нашего участия. Германский Рейх был обескровлен, ресурсы его – материальные и человеческие – исчерпались, воевать не хотел ни один здравомыслящий немец. В результате остались бы неразрушенными европейские города – от Варшавы до Дрездена! – а СССР не лишился бы еще нескольких миллионов мужчин.

Но мы *«пол-Европы по-пластунски пропахали»* ради людей, к России отношения не имевших. Потом еще 40 лет кормили сателлитов из соцлагеря. А когда кормление прекратилось, то даже в дружественной Болгарии намеревались снести памятник русскому солдату Алеше, который освобождал этих б...болгар вместо того, чтобы валяться с девчонкой на Рязанском сеновале!

Во времена детства военные фильмы изобиловали сценами командных пунктов на фоне дальнего боя, где падали фигурки солдат – крошечных, как муравьи.

Но у каждого *«муравья»* имелась жена, мать или девушка – каждый упавший оборвал на себе цепочку жизней.

Последствия мы видим сейчас.

Разумеется, война есть *«зверское дело»*.

Но даже в самом зверином зверстве существуют человеческие пределы.

Сегодня в каждом городе есть улица маршала Жукова или памятник ему.

Между тем само его кровавое имя надо стереть из анналов истории.

Можно спорить насчет фразы, которой *«маршал»* напутствовал генералов:

«Солдат не жалеть! Бабы новых нарождают!»

Но неоспорим исторический факт.

Для того, чтобы взять Берлин к 1 мая и продемонстрировать всему миру торжество коммунистической идеологии, уважаемый Георгий Константинович положил на Зееловских высотах 10 дивизий.

Много это или мало в рамках тактики РККА, судите сами. Но даже при усредненной численности войсковых частей наши потери составили СТО ТЫСЯЧ человек за несколько дней никому не нужных боев.

Именно никому не нужных; Берлин в кольце окружения пал бы сам по окончании боеприпасов.

Заключительным аккордом прозвучало то, что советские военнопленные – солдаты, поплатившиеся за бездарность командиров – из гитлеровских концлагерей переехали в сталинские.

Кое-что можно оправдать, приведи сотворенное к положительному результату.

Но нынешнее состояние России в сравнении с *«побежденными»* странами этого не позволяет.

Победив фашизм, войну мы проиграли.

Машина истории не имеет задней передачи, сейчас ничего нельзя изменить, но можно подумать и переоценить.

И не славословить *«народный подвиг»*, а делать выводы.

Ведь горькая правда нужней, чем сусальная ложь.

И народ – не стадо баранов, ведомое козлом.

(Хотя чем дольше живу я, тем больше убеждаюсь в обратном.)

Нашим творческим семинаром в Литературном институте руководил известный советский прозаик Олег Смирнов – в прошлом член редколлегии «*Нового мира*», автор нескольких военных романов и сценария ко второй половине сериала «*Государственная граница*». Бывший фронтовик, награжденный ранениями, он обладал правом иметь собственное мнение о войне. В 1995 году Олег Павлович отказался получать памятную медаль в честь 50-летия Победы. Будучи человеком сдержанным, Смирнов не уточнил мотивы решения, но между строк письма я понял все. Уже тогда мой руководитель видел не только фальшь очередной юбилейной феерии, но и ее ложь: история была трагедией, по результатам войны впору не ликовать, а горевать.

Но, увы, умных людей всегда было меньше, чем неумных.

Сегодня все поднялось на новый уровень, идет римейк «*военного патриотизма*».

Подстрекаемая политиками, молодежь обвязывает автомобили ленточками и оклеивает лозунгами, к которым не имеет отношения.

Создаются фильмы о советских танках, но не говорится, что дорогу им мостили все теми же трупами. Своими, а не чужими: такого бесчеловечного отношения к человеческому материалу, как у нас, не существовало больше нигде.

(В СССР люди были мусором, мусором остались и в России.)

Снимаются восторженные сериалы про СМЕРШ, хотя за причастность к этой организации стоит карать так же, как немцев – за службу в СС.

Школьников насильно записывают в «*Юнармии*»: опять форма, опять марши, за родину, мать вашу, под барабаны со святыми упокой...

И вместо честных произведений я читаю бодренькие «*спасибо-деду-за-Победу*».

Предвижу лавину проклятий со стороны ура-патриотов, для которых символы прошлого остались символами – и делаются все более символичными по мере отдаления трагедии.

Я не хочу умалить героизм советского народа или бросить тень на память павших.

Но 9-го мая нам нечему радоваться.

За ценой мы не постояли, а победа оказалась Пирровой.

Какой, к черту, «*праздник*»?!

Осталась только горечь, только боль от мысли о 25 миллионах их и о нас, оставшихся.

В этот день я посыпаю голову пеплом.

Двадцать второе июня

«Война», «война», «война», «война»...

Я русский интеллигент в 7-м поколении.

Мой прадед по материнской линии окончил жизнь январем 1942 года в черном блокаде-ном Ленинграде.

Я скорблю по двадцати миллионам не меньше, нежели те индивидуумы, что обвязывают свои машины Георгиевскими лентами и оклеивают речёвками о Победе, к которой сами не имеют малейшего отношения.

Но я больше не могу молчать.

Порочна идеология, базирующаяся на деструктивной памяти потерь.

Безнравственны политики, прячущиеся за лицемерным лозунгом «единения народа» посредством реанимации наследственной ненависти к другому народу.

И ничтожны глупцы, ведущиеся на это иезуитство.

Духовные рабы, живущие взглядом на прошлое – вместо того, чтобы если не посмотреть в будущее, то хотя бы трезво оценить настоящее.

Немцы давно расплатились по всем своим счетам.

Нынешние враги большинства моих сограждан говорят по-русски.

И прячутся не в Берлине, а в Москве.

Не на Фридрихштрассе, а на Рублевском шоссе.

А при звуках

Вставай, страна огромная...

я думаю не об Адольфе Гитлере, а о другом человеке.

Враг любого народа – это его антинародные правители.

Рот Фронт, камрады!

О вымирании человека как биологического вида

«Все́му свое время, и время всякой вещи под небом.» (Еккл. 3:1)

Я не открою Америки.

Великий Омар Хайям в одном из лучших своих стихотворений писал, что в этой «*обители бед*» нет ничего вечного.

А намного раньше мудрый иудейский царь Соломон (известный также под именем Екклесиаст, то есть Проповедник) отмечал, что

род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки.
(Еккл. 1:4)

Так послушайте меня.

1

Любой биологический вид имеет стохастический интервал своего развития, на протяжении которого этот вид возникает, развивается, проживает пору расцвета, а затем угасает по независящим от него причинам.

Давайте задумаемся: почему на земле постоянно вымирают те или иные виды животных?

С динозаврами все на первый взгляд понятно: их убило всемирное оледенение.

Но почему исчезли мамонты? Их длинная густая шерсть имела более высокие характеристики сохранения тепла, нежели человеческая зимняя одежда и им ли было бояться морозов? Объяснение зоологов, что эти животные лавинообразно вымерли из-за глобального потепления, мне кажется несостоятельным. Сейчас мамонты могли бы жить там, где до сих пор обитают белые медведи.

А саблезубые тигры? Современный вид (*Panthera tigris*) является полным универсалом с точки зрения среды обитания. Может существовать и в невыносимой даже для человека Индии, и в снегу Уссурийской тайги. (Подобно тому, как дворовая кошка одинаково жизнеспособна и летом и зимой, выдерживая перепад температур в 60 градусов.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.